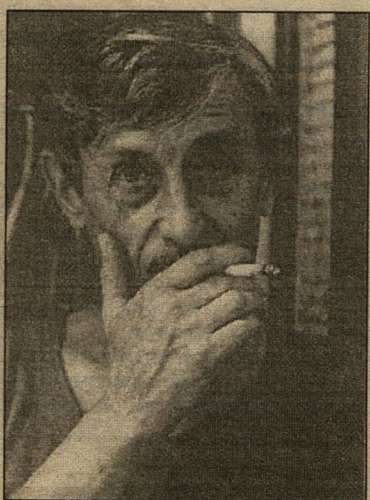

КНИГИ И ЛЮДИ

3 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 10 ЛЕТ
СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВИКТОРА ПЛАТОНОВИЧА НЕКРАСОВА

«...И НИКОГДА НЕ ПОВТОРИТСЯ»

В.П.Некрасов. Киев. Начало 70-х.

Как-то Виктор Платонович купил альбом акварелей не помню уж какого художника. Серия рисунков показывала изменение некоей улицы, вероятно, за сто лет. Изменения постепенные, неторопливые, но на последнем листе была совсем уже другая улица, и только один малюсенький уголочек убеждал, что это то самое место.

Прошло десять лет со дня кончины писателя Некрасова, и теперь ясно видно то, что еще тогда только угадывалось: закончился почти пятидесятилетний период в российском искусстве, говоря шире — в российской культуре.

Изменился ландшафт.

Оглядываясь назад, пытаюсь понять, что же было самым главным для меня в этом пространстве, в котором я жил? Написаны горы книг и статей о том, что XX век в массовом масштабе осуществил кошмарное пророчество Достоевского о вседозволенности: многие согласились — морально то, что выгодно. Согласились не в заманчиво безответственных интеллектуальных играх, а в повседневной практике жизни. И все же то тут, то там еще встречались люди, которые жили так, как будто на дворе был век XIX.

Они не были поколением. Вообще я думаю, что когда начинают говорить о поколении, то дело только запутывают, во всяком случае, себя и своих друзей я не вижу поколением. Просто есть люди, в чем-то похожие друг на друга независимо от возраста. Вот и те, «отставшие от прогресса», были похожи своей непохожестью на окружающий мир. Они были индивидуальности. Не винтики и не гвоздики.

И для меня они — это самое драгоценное, самое главное, что останется со мной до последнего дня.

Коммунисты правы

Виктор Платонович никогда не хотел быть общественным деятелем, а когда его попытались назначить, например, одним из начальников (все-таки сталинский лауреат!) киевских «писемников», он повел себя столь неординарно, что быстро стала понятна его непригодность. И здесь, на Западе, ради сохранения своего стиля жизни он отказался быть редактором одной из русских газет.

Виктор Некрасов. Автошарж. 1973.

Но судьба назначила Некрасова стать всеюсоюзно знаменитым еще в сталинское время, и поэтому вскоре, когда началась «оттепель», любой шаг и жест писателя стали видны многим. Так уж было: если ты знаменитый писатель, то ты автоматически фигура общественно значимая (или со знаком «плюс», или со знаком «минус» — это зависело от позиции «фигуры» и от позиции начальства, на «фигуру» взирающего).

Хорошо известны выступления В.Некрасова по поводу «Бабьего яра», его критические высказывания о монстре-мемориале Сталинградской битвы, его горячее участие в судьбах гонимых и т.п. Конечно, это действия общественные.

Но мне хочется обратить внимание на одну абсолютно личную особенность Виктора Платоновича, которая, как я понимаю, больше всего раздражала всех его хулителей и клеветников. Они ее, эту личную особенность, воспринимали как общественное антисоветское деяние (и, возможно, были частично правы).

Его главная вина

Кажется, в начале 60-х годов в газете «Комсомольская правда» появился целый «подвал» о некоем тунеядце, который месяца на три в году нанимался на какую-нибудь тяжелую, а потому неплохо (разумеется, по советским понятиям) оплачиваемую работу, а остальные три четверти года бродил-ездил по стране, ел яблоки и читал книжки (о пьянстве не говорилось). Забавно, что в статье чувствовалась некоторая неуверенность самого журналиста в выбранном им осуждающем тоне.

Некрасов не был «леваком и фрондером» (по терминологии того времени). Таким властью многое грозило и правильно делала — со временем некоторые из них стали «народными», «лауреатами» и даже «гертрудами» (героями труда.

— Ред.). Одним словом, верными.

Некрасов был просто независимый человек. Ничего никому не доказывая, он, тем не менее, публично утверждал тип поведения не только не поощряемый, но просто запрещаемый. Он посмел «решительно стать на защиту зевак!» Я думаю, что вот в этом и была его «главная вина». Боже! Как он их раздражал, ну, как «ножом по стеклу»: «Турист с тросточкой, понимаете... А еще лауреат!»

Рядовые труженики пера

Стоит вспомнить, что самый первый (или один из первых) в советской прессе «мемуар» о Некрасове, появившийся после того, как «разрешили свободу» (это совпало по времени с кончиной в Париже Виктора Платоновича), изобразил писателя как довольно озлобленного выпивоху. Автор, один из многих знакомых щедрого на общение Некрасова, выдавая себя за «друга Вики», мазал грязью этого Вики, так что в результате чтения возникал образ типичного «спившегося эмигранта».

Чем руководствовался этот далеко не бесталанный член Союза советских писателей? Встречаясь с подобным явлением не в первый раз, я берусь утверждать, что такими людьми двигает одно из самых бесплодных (а потому и бессмысленных) чувств — зависть.

Нет, я не точен. В зависти есть свой смысл, и даже плоды она дает. Смысл — ранить объект зависти и создать атмосферу, в которой трудно дышать другим. А ядовитый плод — это разъедаемая душа самого завистника.

Я вспоминаю это не для запоздалого сведения счетов. Она (эта статья), как я думаю, дает ясный и четкий ответ на вопрос о том, кто же все-таки строил (и строит) все бесчеловечные системы? Вожди? Или «рядовые труженики заводов, полей и пера»? Для меня лично ответ ясен. И еще — можно ли говорить об ответственности каждого отдельного человека? Ответственности перед собой, перед своей совестью? Или можно все свалить на других — на плохих руководителей, дурное общество. Или сказать о каком-нибудь достойном человеке: «Это наша совесть», — и не считать нужным позаботиться о своей совести.

И вновь тросточка

Как-то на юбилее одного литератора, среди прочих похвал, было сказано, что ему не нужно ничего лишнего, он обходится необходимым. И тут же объект похвалы откликнулся: «Мне не нужно необходимого, мне необходимо лишнее».

Некрасов обожал всякие интересности, непривычности, оригинальности. Шутливо (и серьезно) назвав себя «зевачкой», он, внимательный часто к тому, чего другие просто не замечают, ухитрялся превращать почти все «в праздник, который всегда с тобой».

Отпущенные советской властью (и ограбленные ею), мы приехали в Париж без гроша в кармане. Буквально. Многие нам помогали, всем им наша всегдашняя благодарность. Галина Викторовна — жена Некрасова, натура деятельная и всегда ищущая, кому бы помочь, — решила вручить нам чайник.

Виктор Платонович был шокирован таким рутинным подарком («Ну, надо же им хотя бы чай пить!» — защищалась Галина Викторовна) и подарил нашему сыну Никите трость стоимостью в две тысячи франков (для сравнения: наше пособие было две тысячи сто на троих).

Никогда

В заголовок моих заметок я поместил строчку из стихотворения Сергея Дрофенко, поэта, навсегда оставшегося молодым, ибо он погиб в начале жизни в результате нелепого несчастного случая. Его присутствие в очерке о Викторе Платоновиче очень кстати: в 60-х годах XX века Сергей жил по духовным законам века XIX-го.

А всё, что унесу с собой
под твой, кладбищенская птица,
зеленый куст, звалось судьбой
и никогда не повторится.

Париж

ЛЕВ КРУГЛЫЙ

Добавка «не на тему»

Закончив свои краткие заметки, включил телевизор и увидел, услышал — узнал: ночью в Париже в результате автомобильной катастрофы погибли люди, и среди них английская принцесса Диана. Какое отношение это ужасное происшествие имеет к очерку о скончавшемся десять лет назад русском писателе Некрасове?

Человеческое достоинство и вопрос вседозволенности — вот проблемы, которые возникли (будем надеяться) в сознании людей в связи с обсуждением роли репортеров в этом деле.

Помните сцену из фильма Феллини «Сладкая жизнь», когда на женщину, еще не знающую, что погибли ее муж и дети, накидывается свора репортеров, чтобы заснять эту несчастную, пока еще улыбающуюся женщину и ее реакцию, когда она узнает о случившемся...

Во время очередного выпуска телевизионных новостей нам показывают людей, встречающих в аэропорту своих друзей, родственников, вероятно, своих детей, и их реакцию в тот момент, когда они узнают, что самолет разбился...

Однажды для фильма, в котором я работал, было отснято скрытой камерой (так называется съемка, когда человек не знает, что его снимают) очень много различных сцен и разговоров на тему фильма. На рабочий просмотр этого материала пригласили и кинооператора Анатолия Заболоцкого. Когда в зале зажгся свет, Заболоцкий, помолчав некоторое время, сказал: «Ребята, а не пойти ли вам работать в гебуху?» (Время было советское). Монтируя фильм, режиссеры от этих кадров отказались...

Один наш знакомый молодой журналист, с энтузиазмом ринувшийся работать в то, что стало в России называться «независимой прессой», через какое-то время сказал: «Журналист — профессия безнравственная»...

По разным поводам мы часто слышим требования соблюдать «права человека». Интересно — надо соблюдать права человека на защиту частной и интимной жизни...

Но кроме прав у человека есть обязанности, которые никакому закону подчинить невозможно. Они от Господа, и Он дал нам свободу выбора...

Ни в одном из текстов, ни в книгах, ни в его радиобеседах, никогда писатель Некрасов не позволил себе оскорбить человеческое достоинство...

Л.К.

Некрасов Виктор Платонович
49 4-10.09.97